

Братья ШВАЛЬНЕРЫ

Соколы ОТЦА НАРОДОВ

Братья Швальнеры

**Socol`ы отца народов.
You are in the army now...**

«Издательские решения»

Братья Швальнеры

Socol`ы отца народов. You are in the army now... / Братья Швальнеры — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905861-4

Атака детских игрушек на российскую авиационную базу в оккупационной зоне, танец курсантов-летчиков в стиле «ню», самоубийство пилота сбитого российского бомбардировщика — случайны ли все эти события? Не объединены ли они некоей тайной, связывающей в единую цепь поиски секретного «Евангелия от Евы» и жуткие и отвратительные события, что происходят за кулисами потайной жизни российских военных летчиков? То, чего никогда не увидит посторонний глаз в жизни российской армии, — под обложкой книги.

ISBN 978-5-44-905861-4

© Братья Швальнеры
© Издательские решения

Содержание

От авторов	6
Пролог	7
Доктор Сигурд Йоханссон. О происхождении слова «соколы» в отношении боевых летчиков	8
Глава первая. «Орлята учатся летать...»	14
Глава вторая. Запрещенные евангелия	22
Глава третья. Отцы и дети	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Socol`ы отца народов You are in the army now...

Братья Швальнеры

*Все события и персонажи книги являются вымышленными
(за исключением историко-документальных вкраплений)*

Светлой памяти Виктора Ивановича Долбина (1953—2018)

*«...Когда солдатик лысенький во сне целует друга губы...»
(Из песни Ляписа-Трубецкого «В платье белом»)*

Иллюстратор Братья Швальнеры

Дизайнер обложки Братья Швальнеры

Переводчик Братья Швальнеры

© Братья Швальнеры, 2019

© Братья Швальнеры, иллюстрации, 2019

© Братья Швальнеры, дизайн обложки, 2019

© Братья Швальнеры, перевод, 2019

ISBN 978-5-4490-5861-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От авторов

Так сложилось, что в процессе написания этой книги в России стали происходить события, словно бы стимулирующие авторов к тому, чтобы разобраться в подноготной такой сферы как военная авиация. Признаться, материал для ее написания копился давно, и проблемы подготовки военных летчиков – не все, а именно те, которые описаны под обложкой – просились на бумагу. Но и события, сопутствующие созданию произведения, словно бы кричали авторам: «Скорее!» И пусть прав поэт, что нет пророка в своем Отечестве, а все же пройти мимо этих проблем мы не имели права, обстоятельства будто сами водили нашим пером.

Первым в череде событий стала трагедия, случившаяся 11.02.2018, когда в результате крушения самолета Ан-148 в Раменском погиб наш товарищ, орчанин Виктор Долбин, чьей в высшей мере светлой и заслуживающей внимания памяти посвящена книга. Конечно, событие это относилось к разряду промашек гражданской, а не военной, авиации – именно ее летчики, как установлено расследованием, допустили аварию, – но, когда пишешь о небе, такое событие априори не оставляет тебя равнодушным.

Далее случилась катастрофа Ан-26 в Сирии, что уже напрямую заставило обратить внимание и на эту арабскую республику, являющуюся местом действия нашего романа, и на квалификацию военных пилотов, управлявших машиной и снова допустивших гибель десятков людей. Казалось бы, обычная внештатная ситуация, ан нет. Незадолго до того военный летчик Роман Филиппов героически погиб в той же Сирии, заставив нас усмотреть взаимосвязь между своей гибелью и произошедшей вскорости авиакатастрофой. Не увидеть ее мог только человек, не знакомый с военной авиацией в местах размещения нашего ограниченного контингента, а мы к написанию книги подготовились хорошо.

Ну и в завершение – совсем уж комичный случай с разбрасыванием золотых слитков из военного самолета над Якутском 15.03.2018. Комичный он только на первый взгляд, если не вдаваться в суть некоторых проблем, что царят как в среде военных летчиков, так и в их альма-матер, которая, по понятным причинам, не могла быть выведена нами под собственным именем (*sapient is sat*, и в век информации навести справки даже профану не составит труда), но, тем не менее, если уж не больна, то во всяком случае точно не здорова. Мы молчали бы и дальше, если бы не человеческие жертвы, которые только в феврале-марте 2018 года перевалили за сотню человек. И пусть причиной катастроф послужило нечто иное, не обязательно то, что описано в книге, мы верим, что в этой, как и во всех других системах, все взаимосвязано, все циклично и линейно. Промах или упущение в одном чреваты последствиями в другом – там, где, иной раз, и не ждешь. И наоборот – одна причина, если потянуть за ее ниточку, может привести к таким открытиям, о которых в начале и не помышляешь, а помышлял бы – так нипочем бы не стал связываться. И, если работа наша поможет решить хоть одну из многих десятков проблем военной авиации и вообще военного строительства в нашей стране, пусть нам где-нибудь сверху поставят за это «галочку».

В завершение мы хотим поблагодарить нашего друга, профессора истории Университета Осло Сигурда Йоханссона, за предоставленные в процессе работы над книгой и обильно процитированные в ней исторические материалы. Биография и научные достижения этого поистине удивительного человека хорошо знакомы уже российскому читателю, и потому он точно знает – если за дело берется старый норвежец, скучно не будет. А потому он и начнет наше повествование. Но для начала...

Пролог

Студенты третьего курса Московского летного училища имени Гастелло Владимир Хрулев и Антон Щербаков в воскресенье вечером стояли на крыльце казармы и обсуждали случившееся с ними в эти выходные. Обычно на субботу и воскресенье они получали увольнение в город и отрывались там по полной. Молодость давала о себе знать – рассказы, которые приносили они с собой в казарму после таких вот «хождений за три моря» в пору было вписывать в «Декамерон» Бокаччо. Вот только старый бесстыжий итальянец, пожалуй, перевернулся бы от их содержания в гробу.

– А я тут на днях на «Бадю» познакомился с одной. Так представляешь – 30 лет, в разводе, ребенок есть, а такая оторва оказалась...

– А что такое?

– Ну значит, встретились мы, перепихнулись разок, другой, а ей все мало. Я уже что-то выдыхаться начал, а она все нажимает и нажимает. Ну пришлось пойти навстречу. Потом курить выхожу, а она полторы минуты спустя за мной чуть ли не с матрасом – давай, мол, еще. Ну я в шутку говорю: «Тебе на банку на трехлитровую сесть и то, наверное, мало будет». Задумалась, ушла. Думал, обиделась. А не тут-то было. Захожу в комнату через полчаса, а она там на ту самую банку присаживается. И – прикинь – чуть ли не целиком зашла! Во я офигел...

Ребята рассмеялись. Собеседник вступил в диалог.

– А у меня и того веселее...

– Ой, погоди, Василенко идет. Потом расскажешь.

– Здравия желаем, товарищ подполковник! – вытянулись они во фронт при виде заместителя начальника училища, подполковника Василенко, по обыкновению вечером во время дежурства обходившего территорию училища.

– Привет, ребята. Ну что, отдыхать собрались?

– Так точно. Докурим только.

– А вот курить вредно. Какие же это соколы, которые курят? Где вы видели курящих птиц?

– Какие соколы? – не сразу поняли ребята.

– Какие?! Разве не знаете вы, что еще со времен Сталина представителей вашей прекрасной профессии соколами называют. Были раньше сталинские соколы, вы вот теперь митинские соколы – фамилию президента-то нашего не забыли еще?

– Никак нет.

– А почему соколы, товарищ подполковник?

Василенко хитро прищурился, по-отечески взглянул на ребят и начал:

– Слушайте...

Доктор Сигурд Йоханссон. О происхождении слова «соколы» в отношении боевых летчиков

Авиаторы всегда пользовались всенародной любовью. Их по праву называли золотым фондом нации, сталинскими соколами. Известны слова И. В. Сталина, сказанные в январе 1939 года: «Должен признаться, что я люблю летчиков. Если я узнаю, что какого-нибудь летчика обижают, у меня прямо сердце болит.»

Вот что писали «Известия» 27 июля 1937 года: «Многотысячные делегации трудящихся столицы заполнили вчера площадь Белорусского вокзала. Портреты героев и приветственные лозунги украсили фасады зданий... В 16 ч. 13 м. парижский экспресс подошел к перрону. В дверях вагона появились тт. Чкалов, Байдуков, Беляков. Героев восторженно приветствовали все собравшиеся. Их окружили родные, друзья... В тесном кольце встречающих герои направились к трибуне, установленной на вокзальной площади. Бурю приветствий вызвало появление славных сынов родины на трибуне. Со всех сторон раздавались возгласы: «Да здравствуют сталинские соколы!»

Исследователи советской культуры 1930-х – начала 1950-х гг. неоднократно отмечали специфическую роль, отводившуюся фольклору в политико-идеологических дискурсах этого времени.¹ Интерес сталинского общества к «народно-поэтическому творчеству» выразился не только в тиражировании идеологически инспирированных текстов «советского фольклора» о партийных лидерах, бойцах Красной Армии и представителях «героических» профессий, но и в эксплуатации жанровых форм, образов, символов и тропов, характерных для реальных либо воображаемых «фольклорных традиций народов СССР». С этой точки зрения представляется небезынтересным определение фольклорных либо псевдо-фольклорных подтекстов пропагандистской лексики и фразеологии в СССР 1930-х гг.

Так, первые русскоязычные публикации «советского эпоса» появляются весной 1937 г. Это «Былина о Чапаеве» П. И. Рябинина-Андреева,² «Песня о Ленине» Т. А. Долгушевой³ и две «новины» М. С. Крюковой: «Чапай»⁴, а также «Поколен-борода и ясные соколы»⁵. В новине «Поколен-борода и ясные соколы» переданы основные обстоятельства экспедиции на пароходе «Челюскин» (1933—1934 гг.), подробно описано плавание и гибель корабля. При этом внимание сказителя фокусируется на эпизоде спасении участников экспедиции:

*День идет ко вечеру, Сонце катится ко западу, Загудела,
за шумела птица прилетная, Птица прилетная, советский
богатырь, ясный сокол*

Здесь летчики оказываются не менее заметными героями, чем сами зимовавшие на льдине челюскинцы. Это подчеркивается и в финале новины, где сказительница описывает встречу прибывших в Кремль челюскинцев и летчиков со Сталиным:

*Выходил же тут сам Сталин-свет
<...>*

¹ Богданов К. А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: НЛО, 2009. 368 с.

² Рябинин-Андреев П. И. Былина о Чапаеве // Северо-Западный водник. 1937, 3 марта. №30. С. 3.

³ Долгушева Т. А. Песня о Ленине // Народное творчество. 1937. №6. С. 12.

⁴ Крюкова М. С. Чапай // Новый мир. 1937в. №5. С. 29—36.

⁵ Крюкова М. С. Поколен-борода и ясные соколы // Новый мир. 1937а. №5. С. 25—29.

*Во-первых, целовал дитя малого, Во-вторых, целовал Поколен-
Бороду, Во-третьих целовал ясных соколов*

Говорят, что автор, когда работает над произведением, должен представлять себе своего читателя. Слово «дурак» в таком случае – самое ласковое в череде эпитетов, с которыми у автора ассоциировалась его читательская аудитория.

Понятное дело, что в лубочном произведении советской сказительницы, очевидно презрительно относившейся к читателям и потому использовавшей нарочито детские, плещущие примитивизмом речевые обороты, под «Поколен-бородой» понимался замечательный геолог и исследователь Севера Отто Юльевич Шмидт. Не в тему, но заметим все же, что приступ клинической истерии охватил не только ее аудиторию – после описываемых событий одним из распространенных имен для наречения детей в СССР стал «Оюлшминальд» (анаграмма слов «Отто Юльевич Шмидт на льдине»). В августе того же 1937 г. была записана еще одна новина о челюскинцах от заонежского сказителя М. Е. Самылина.⁶ Сюжетно она во многом совпадает с новинкой Крюковой: в ней подробно описывается плавание, катастрофа, жизнь на льдине. Здесь также специально подчеркивается роль летчиков, спасших участников экспедиции:

*Вдруг поднялся шум в небе ясным, Видим мы, ероплан
спускается*

<...>

И спасли всех людей от гибели

Заканчивается новина описанием встречи челюскинцев со Сталиным, где присутствуют и летчики:

Приглашал к себе героев-летчиков, Наградил героев за спасение

Крюкова называет летчиков «ясными соколами», а самолеты сравнивает с птицами. Самылин использует выражение «герои-летчики».

Советские «новины» о челюскинцах появляются позже, чем газетные корреспонденции и литературные тексты, посвященные этой экспедиции. Центральные и областные газеты подробно описывали плавание «Челюскина», жизнь команды на льдине, эвакуацию челюскинцев на материк и возвращение их в Москву. В газетных статьях о спасении экспедиции весной 1934 г. летчикам отводится особое место: газеты печатают их портреты, пишут о представлении пилотов к наградам, публикуют их интервью. В том же году о челюскинцах были написаны стихотворения С. Михалкова («Курьерский»), Н. Ушакова («Челюскинское»), В. Гусева («Челюскинцы едут»), М. Цветаевой («Челюскинцы»).

Анализ газетных статей, освещавших эпопею челюскинцев, показывает, что с пилотами, осуществлявшими эвакуацию, устойчиво ассоциируется слово «герои»: все газеты называют спасителей экспедиции «героями-летчиками». Значительно реже встречаются другие клише, например: «капитаны летных судов», «отважные пилоты», «лучшие из лучших летающих людей советской страны». Устойчивое словосочетание «ясный сокол» встречается в разных жанрах русского крестьянского фольклора – былинах, свадебных и лирических песнях, причитаниях.

⁶ Самылин М. Е. Былина о Челюскинцах // Студенческие записки филологического факультета (специальный номер статей и материалов студенческого научно-исследовательского фольклорного кружка) [машинопись] / ЛГУ; отв. ред. М. К. Азадовский. Л.: ЛГУ, 1937. С. 112—116.

В истории с «Челюскиным» летчики совершают героический поступок – спасают граждан своей страны, то есть свой народ, от неминуемой смерти, что роднит их с эпическими богатырями. Так появляется «советский богатырь, ясный сокол». Традиционный образ «доброго молодца» сужается до представителя определенной профессии – летчика. Новина Крюковой была опубликована только в мае 1937 г. Как раз тогда в СССР вновь заговорили об Арктике и полярной авиации: создавалась станция «Северный Полюс – 1». Высадка исследователей на Северный полюс продолжалась с 22 марта по 25 июня 1937 г. Все это время газеты подробно освещали деятельность участников экспедиции. Летчикам уделялось не меньше внимания, чем ученым, так как именно от авиации зависело, будет ли открыта научная станция. 21 мая 1937 г. первый самолет экспедиции, управляемый М. В. Водопьяновым, приземлился на льдине в районе Северного полюса; 6 июня состоялось торжественное открытие станции, а летчики отправились в обратный путь. С 22 мая по 6 июня на страницах газет печатаются приветствия и поздравления полярникам от правительства, ученых, писателей, рабочих и колхозников. Участников экспедиции называют «покорителями/завоевателями полюса», «героями», «смельными/достойными сынами советской родины».

Среди метафорических обозначений участвующих в открытии первой полярной станции летчиков дважды встречается и словосочетание «сталинские соколы»: в «Известиях» от 22 мая и в «Правде» от 27 мая.⁷ Можно было бы предположить, что «сталинские соколы» появляются в советской литературе и публицистике именно после новины Крюковой, однако это не так. Между эвакуацией челюскинцев и открытием первой полярной станции в истории советской авиации произошло еще несколько знаменательных событий. В первую очередь это перелет экипажа Чкалова по «сталинскому маршруту» (Москва – остров Удд) 20–22 июля 1936 г.

В «Правде» от 21 июля 1936 г. фигурирует фраза «тройка гордых соколов нашей родины», а в «Известиях» от 21 июля 1936 г. говорится: «Тронулась красная, длиннокрылая, словно сокол, распластавший свои крылья, машина». Впрочем, сравнения летчиков с соколами встречаются в периодике и до перелета Чкалова. Первое из них появляется в «Правде» 20 мая 1935 г. после трагической гибели самолета «Максим Горький». Х. Гюнтер полагал, что художественные образы, вышедшие из-под пера Горького – Сокол, Буревестник – обрели в 1930-е гг. новое содержание и «придали героическому фольклору сталинского времени политическую окраску». По всей видимости, упомянутая статья «Правды» действительно содержит аллюзию на Горького и никак не связана с фольклорной традицией. В следующий раз «летчики-соколы» появляются на страницах «Правды» от 18 августа и «Известий» от 20 августа 1935 г. в связи с праздником Дня авиации.

В 1935 г. все сравнения летчиков с соколами следуют «горьковской» формуле «гордый сокол». Эпитет «сталинский» впервые встречается в «Правде» от 24 июля 1936 г., после посадки Чкалова на острове Удд (заголовок передовой статьи – «Слава сталинским соколам»). В «Литературной газете» от 5 августа, в статье «Слава героям!», летчики называются «буревестниками грядущих побед» и «парящими подобно орлам». В «Правде» от 10 августа страна приветствует «славных героев, бесстрашных сталинских соколов». Перелет экипажа Чкалова по «сталинскому маршруту» вызвал и поэтические отклики. Из десяти стихотворений о перелете Чкалова на Дальний Восток два называют пилотов соколами и одно – орлами. Сразу же после открытия «Северного Полюса – 1», когда летчики, отвозившие папанинцев, были еще на пути домой, экипаж Чкалова совершил первый в мире беспосадочный перелет через Северный полюс. Поэтому 20–23 июня 1937 г. первые полосы всех советских газет были посвящены, главным образом, перелету Чкалова. 20 июня «Правда Севера» печатает «напутствие» летчикам: «Счастливого пути, бесстрашные соколы великой и могучей страны!»; 21 июня «Комсомольская правда» воздает «славу и честь» «героям <...> смелым сталинским соколам»;

⁷ Гюнтер Х. Сталинские соколы // Вопросы литературы. 1991. №11–12. С. 122–141.

а в «Правде» от 23 июня читаем: «Да здравствуют советские богатыри, гордые соколы нашей родины – тт. Чкалов, Байдуков и Беляков». 24 июня центральные газеты поздравляли летчиков, участвовавших в высадке первых полярников на станции «Северный Полюс – 1», с возвращением. В «Правде» и «Известиях» были опубликованы приличествующие случаю стихи Маршака и Заболоцкого, а в «Комсомольской правде» – «Сказание про полюс» М. С. Крюковой, где также фигурируют «ясные соколы, герои-перелетчики».⁸

Помимо новости Крюковой, открытию полярной станции посвящено еще три новости: «Былина о героях» В. В. Адамова,⁹ «Сказ о полярных летчиках» М. Р. Голубковой, «Советские соколы» И. В. Ольховского.¹⁰ Если из восьми стихотворений об открытии полярной станции летчики сравниваются с соколами только в двух, то у «советских сказителей» это сравнение присутствует в каждом тексте. В трех из четырех новин соколы названы «ясными», в то время как в стихотворениях и газетных статьях этого эпитета нет. 12—14 июля 1937 г. был совершен второй беспосадочный перелет через Северный полюс под командованием М. М. Громова. Несмотря на значительное количество поздравлений на страницах газет, экипажу Громова посвящено всего два стихотворения. В «советском фольклоре» эта экспедиция вообще не фигурирует. Еще до возвращения Громова в третий беспосадочный перелет вылетел экипаж С. А. Леваневского. Летчики отправились в путь 14 августа, но на следующий день связь с самолетом оборвалась. Этот полет уже не вызвал в советской прессе такого оживления, как старты Чкалова и Громова; Леваневского соколом не называли. Однако об этой экспедиции упоминается в «Советских соколах» Ольховского, а также в причитании, записанном от С. В. Якушевой:

*Что погинуло шесть летчиков
Вместе с соколом Леваневским.*¹¹

Заканчивается плач утверждением, что дети героических летчиков сменят на работе родителей и станут «гордыми соколами победными». Еще одним значимым для «советского фольклора» событием, связанным с жизнью авиации, стала гибель Чкалова во время испытательного полета 15 декабря 1938 г. На следующий день сообщение о смерти летчика появилось в советских газетах, где его называли «сталинским соколом», «гордым соколом», «сталинским питомцем», «гордым соколом сталинской авиации», «богатырем», «большевистским рыцарем культуры и прогресса». Сразу же появились и поэтические отклики на смерть авиатора. А в декабре того же года были записаны первые плачи по Чкалову от А. М. Пашковой, А. Т. Конашковой, Ф. И. Быковой. А. М. Пашкова называет Чкалова в плаче и «сталинским», и «ясным» соколом:

*Повыввала смертушка
Как из сталинских из соколов
Человека самолучшего, А Валерия да Чкалова
Не страшился наш ясён сокол
Перелетушков-то дальних.*¹²

А. Т. Конашкова называет Чкалова героем, депутатом и богатырем, однако с соколом не сравнивает. Нет таких сравнений и в плаче Ф. И. Быковой, а также в плаче Е. С. Журавле-

⁸ Крюкова М. С. Сказание про полюс // Комсомольская правда. 1937б, 24 июня. С. 2.

⁹ Адамов В. В. Былина о героях // Советская Арктика. 1937. №11. С. 100—101.

¹⁰ Ольховский И. В. Советские соколы. Былина. // Литературный Воронеж. Альманах. 1938. №4. С. 287.

¹¹ Русские плачи Карелии / Подгот. М. М. Михайлов; ред. М. К. Азадовский. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1940. 321 с.

¹² Там же

вой, записанном в мае 1939 г. В причитании А. В. Ватчиевой Чкалов фигурирует как «гордый сокол, всем любимый нам», «сталинский» и «ясный сокол»; заканчивается плач славословием Чкалову, научившему многих летчиков, которые будут летать по воздуху «бесстрашными соколами». М. В. Работягова, оплакивая летчика, называет его «сокол Чкалов наш, молодой орел», повествуя о перелете Чкалова через полюс, сообщает, что он «пролетал впервой гордым соколом».¹³ В «плаче-сказе» П. С. Губиной «Памяти Чкалова»¹⁴ летчик тоже именуется и соколом, и орлом, однако эта исполнительница, в отличие от Работяговой, использует сочетание «ясный сокол». Так же называют Чкалова А. Е. Суховерхова в сказе «Он родился с крыльями сокола»¹⁵ и А. М. Пашкова в новине о папанинцах:

*Пролетал только советский наш ясён сокол
А Валерий Чкалов да свет Павлович.*¹⁶

Несколько «советских плачей» было посвящено другим катастрофам в истории советского воздухоплавания конца 1930-х гг.

Так, в феврале-марте 1938 г. Е. А. Кокуновой был сложен плач-сказ о гибели дирижабля «СССР В-6», в июле 1938 г. от Ф. И. Быковой был записан плач «Поломался самолет героев-летчиков», посвященный, по всей видимости, гибели самолета «СССР Н-212». Здесь используется орнитоним, ранее не встречавшийся в советских плачах и новинах о летчиках:

А летели они белой лебедушкой, Белой лебедью по поднебесью

11 мая 1939 г. при испытании самолета разбились А. К. Серов и П. Д. Осипенко. Это событие получило широкий отклик в советской прессе. На страницах газет публиковались некрологи погибшим, где летчиков часто называли соколами. В июне того же года от Е. С. Журавлевой был записан плач по Серову и Осипенко. Сказительница Е. С. Журавлева называет обоих летчиков «ясными соколами», а Полину Осипенко еще и лебедью:

*Как не стало у нас, у бедных, Как двух соколов да ясных
Уж как поднебесной крылатой лебедушки
Как Осипенко Полины Денисовны*

Резюмируя сказанное, следует отметить, что убогие советские газеты, рассчитанные на не менее убогую аудиторию, начинают сравнивать летчиков с соколами в 1935 г., после гибели самолета «Максим Горький», и, по всей видимости, заимствуют этот орнитоним у писателя, в чью честь был назван разбившийся аэроплан. В новине Крюковой летчики впервые именуется «ясными соколами», причем речь идет о событиях 1934 г. Кроме того, с середины 1930-х гг. в Германии бытовало выражение «Goring Falke-Division» («соколы Геринга»), которое наверняка было известно советским журналистам и писателям.¹⁷ В советских газетных статьях и стихотворениях 1930-х гг. летчиков сравнивали не только с соколами, но и с орлами,

¹³ Работягова М. В. О Чкалове // Фольклор Чкаловской области / Сост. А. В. Бардин. Чкалов: Чкаловское обл. изд-во, 1940. С. 278—280.

¹⁴ Губина П. С. Памяти Чкалова // Сталинский путь [Сольвычегодск]. 1940, 11 мая. №47. С. 4.

¹⁵ Суховерхова А. Е. Песни и сказы [Сборник текстов, машинопись] / Государственный северный русский народный хор. [Архангельск, 1975]. 265 с. (Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова. Ф. 868692)

¹⁶ Пашкова А. М. Былина // Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статья и примеч. Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1941. С. 182—185

¹⁷ Козлова И. «Сталинские соколы»: тоталитарная фразеология и советский фольклор // Журнальный клуб Интелрос» Антропологический форум-online» №12-online, 2013

а также просто с птицами, однако эти сравнения не привели к появлению устойчивых фразеологизмов, подобных выражению «сталинские соколы». Думается, что на сложение последнего повлияли, скорее всего, и немецкое выражение «соколы Геринга», и «Песня о Соколе» Горького, и фольклорный образ сокола. Впрочем, учитывая любовь Сталина к Гитлеру, не до конца оборвавшуюся даже 22 июня 1941 года, понятна его тяга к устойчивому фразеологизму, предложенному «братскими» журналистами.

Возродилось сие название и сейчас – только слово «сталинские» ловко заменяются прилагательным, образованным от фамилии нынешнего главы государства...

Доктор Сигурд Йоханссон
профессор истории Университета Осло

Глава первая. «Орлята учатся летать...»

Солдатский душ... Измученные тяготами службы молодые организмы литрами выбрасывают здесь свой пот, и словно возрождаются к новой жизни в запахе нисходящей с них вони. Изнуряющее их изо дня в день напряжение покидает их тела, и оставляет после себя только напоминание – напряжение где-то внизу живота, которое невозможно терпеть особенно, когда струи горячей воды покрывают гладкую молодую кожу, проникая жаром своим в самые ее поры и достают до тех отделов коры головного мозга, которые отвечают за сексуальный голод. Если рассудить логически, после таких нагрузок и душа организм может хотеть только отдыха – но только не молодой солдатский организм, которому недостаточно той разрядки, что получает он, смывая с себя грязь сапог и униформы. Нет, в этот момент ему особенно хочется от этого безумного напряжения избавиться, и выбирает он для этого самые порой причудливые и непредсказуемые формы – куда тут до рассуждений, когда ниже пояса все налилось и готово вот-вот взорваться?!

В мире есть одно лекарство, способное вылечить и утихомирить разошедшееся не на шутку либидо – вот тоже малопонятное фрейдистское выражение, куда более привычное нашему уху в его русском эквиваленте, «стояк». Это смех. Так вот стояк снимается или всем известным средством, которого в армии не сыскать, или путем гомерического хохота. А над чем, как не над пошлой шуткой, и ржать солдату, словно молодому невзнузданному жеребцу, от всей души?!

И вот уже те же молодые тела, едва прикрытые в своей первозданной наготы легкими стрингами или строгими армейскими трусами, плотно облегчающими все те части, за которые их так любят девушки в минуты редких увольнений, уже извиваются по казарме под звуки транс-мелодии, так возбуждающей к танцу даже глухого. Португеи на их бедрах и плечах создают впечатление латекса, а камеры на телефонах товарищей с особенной тщательностью и изыском фиксируют все происходящее.

Танец, словно чума, поражает один этаж общаги, другой, а после уже все присутствующие невольно сокращаются под звуки очаровательной мелодии современного танца. Те, кто минуту назад курил в сортире, дежурные по казарме, ротные старшины, сержанты и просто рядовые солдатики, оставшись в одном исподнем, превращают место солдатского отдыха в настоящее царство Эроса, не забывая оставлять память об этом в памяти сотовых. Так длится несколько минут, пока не кончится песня – шутка не в этом. Шутка в том, чтобы отследить реакцию тех, кто несколько минут спустя будет любоваться этим шедевром любительского киноискусства в Сети.

Плюсы, лайки, зажигательные комментарии от девушек всех мастей и возрастов посыплются на страницу, на которой будет выложен такой эксклюзивный материал, и создадут почву для неудержимого смеха. Вот этот кураж и будет выплескиваться из парней так, как могло бы из них выплескиваться семя, притупляя внутренние подавляемые бромом и строгим армейским начальством желания, и постепенно успокаивая их – одно горячее желание будет сменяться другим. Удовольствие, получаемое от власти, по утверждениям многих диктаторов, граничит с сексуальным и даже заменяет его – а власть над умами, которую в эти минуты и часы будут иметь солдаты в отношении подавляющего большинства пользователей Интернета, будет едва ли не сильнее диктаторской; одного шевеления пальцем ноги одного из «актеров» будет достаточно, чтобы любая пала перед ним ниц, не забыв предварительно оголиться.

Жар вечернего куража часто сменяется утренняя похмельем – что мы наделали? Зачем? К чему все это приведет и чем кончится? Тем более, что поводы были – весь Интернет пестрил репостами ролика со вчерашней записью, и вскоре он привлек внимание радетелей обще-

ственной нравственности и морали. Рыба гниет с головы – оттуда и началась основная реакция на «отснятый материал».

– Таким людям, которые столь недостойно подходят к высокому званию военного летчика, не место в нашей армии, – категорически отчитывал молодых подчиненных, курсантов летного училища, главком ВВС. – Честь служить в таком элитном подразделении наших войск и обучаться всем тонкостям службы дана не каждому, и потому такое отношение к службе недопустимо в любом проявлении. Полагаю, что наказаны должны быть не только сами исполнители танца, но и непосредственное руководство военно-учебного заведения...

Главком служил давно, и истину о том, что в армии инициатива особенно наказуема, знал практически назубок. Но и на старуху бывает проруха – этими словами он выразил не общее отношение к танцу ребят, а свое личное, и потому сразу попал впросак. Не прошло и полдня, ребята не успели даже толком погрузиться о грядущем своем отчислении на развратную гражданку, как с официальным комментарием выступил министр обороны.

– По моему мнению, это полная ерунда. Ребята устали после службы и в свое свободное время на территории казармы, не удаляясь и не уходя в самовол, не нарушая режима дня и распорядка службы, просто исполнили танец. За что их наказывать? За то, что они надели на себя фуражки и отдельные элементы формы? Это смешно. Они не совершили ничего предосудительного, и, если главкому ВВС нечем похвастаться под гимнастеркой, то его личные амбиции никак не могут определять политику нашего министерства. Он прав в одном – мы возлагаем на этих ребят большие боевые задачи, и ломать им крылья в самом начале их полета не входит в наши планы. У нас есть куда более серьезные вопросы, требующие вмешательства на уровне командующего и министра, и заострять внимание на невинной выходке молодых мальчиков мы не будем...

– О каких проблемах вы говорите, Сергей Абдурахманович?

– Вы, например, ничего не знаете о том, что накануне в Сирии у нас сложилась сложнейшая боевая ситуация, которая требует нашей незамедлительной и очень жесткой реакции? Нет? Что ж, я расскажу – быть может, это отвлечет вас от любимого занятия, обсасывания глупостей...

Прежде, чем начать рассказ, министр задумался. Он восстанавливал в своей памяти хронологию событий минувшего дня – с чего все началось?

А началось все с того, что детский день рождения подходил к концу.

Семья российского посла в Сирии Артема Дмитриевича Кириченко пережила этот его переезд с таким великим трудом, что молодой и перспективный еще дипломат стал всерьез подумывать или о разводе, или о прекращении дипломатической карьеры. Помимо тяжелого жаркого климата этой восточной страны, напряженная внутривосточная обстановка, что царила в ней последние три года, никак не способствовала хорошему расположению духа тех, кто был сюда откомандирован после сытой и вполне себе спокойной Швеции. Хотя отечественным СМИ удалось на какое-то время запудрить Кириченко голову словами о фактически прекратившихся боевых действиях (что в немалой степени и способствовало его согласию поехать в ближневосточный регион в качестве Чрезвычайного и Полномочного), первые же минуты нахождения в Дамаске развеяли эту иллюзию. Помимо бесчисленных военных кордонов, что эскорту его семьи пришлось преодолеть на пути к резиденции, услышанные в первый вечер канонады выстрелов и взрывов сразу насторожили посла и его домашних, утром в ультимативной форме потребовавших от него возвращения в Москву.

Понимая, что столь скоропалительных решений послу принимать не следует, он связался с центром и описал сложившуюся непростую ситуацию. Ответом ему были заверения в поднятии оклада и дополнительных льготах, панегирики его выдающемуся дипломатическому мастерству, особенно необходимому в очаге напряженности, убеждения и просьбы высшего руководства страны. Кириченко был непреклонен – и тогда, по старой русской традиции,

последовали угрозы, основанные на, как оказалось, давно всем известных фактах его неблагоприятного поведения в Стокгольме, которые посол, в весьма общих чертах знакомый с работой ФСБ, считал тайной за семью печатями. Делать было нечего – на три года пришлось остаться.

Говорить с Москвой было трудно – с домашними еще труднее. Дочь-подросток никак не желала оставаться здесь по причине огромного количества «цветного» населения, которое, как ей казалось, не в полной мере отвечает ее требованиям к друзьям, без которых жизнь ее немыслима. Жена опасалась за безопасность семьи, а младший сын все время болел. Свалившийся как снег на голову его день рождения должен был немного сгладить острые углы – веселый праздник, устроенный с участием руководства республики, дорогих аниматоров из Турции и даже одной мега-популярной певицы, как пир во время чумы, призван был немного поднять упавшее настроение посла и его домашних. Размах на широкую ногу не был свойственен обычному детскому празднику, коих посол перевидал на своем веку ого-го, но тут был особый случай. И, кажется, все удалось – во всяком случае, все улыбались, а супруга Артема Дмитриевича была необычайно ласкова к нему в продолжение всего дня. Он начал думать, что все, наконец, налаживается, что, быть может, свикнется наконец его семья с малоприятной и нелегкой долей... Когда жена в очередной раз, после пятого или шестого бокала шампанского, подошла к нему и демонстративно обняла, он заговорил:

– Понимаешь, наша страна всегда, во всю историю своего существования, оказывалась в непростых внешнеполитических ситуациях. В такой момент работа дипломата едва ли не важнее работы военного. Достаточно вспомнить таких мастодонтов отечественной дипломатии, как Чичерин и Молотов, Вышинский и Громыко, Шеварнадзе и Чуркин...

– Я знаю, – супруга ласково провела пальцем по его губам, не давая ему договорить. – Все будет хорошо, пока мы вместе, ведь правда?

– Ну, конечно, – просиял Артем.

– Когда будет концерт?

– Когда аниматоры закончат работу, – супруги повернули головы в сторону детской комнаты, где профессиональные клоуны развлекали детей, унося их воображение подальше от малоприятного, охваченного с четырех сторон огнем, Дамаска. Сегодня аниматоры были наряжены в сказочных Питеров Пэнов, чье постановочное сражение с капитаном Крюком и обязательно одерживаемая в конце победа должны были показать маленьким зрителям – добро сильнее зла, и оно всегда победит, как бы ни старались ревнители последнего! Как бы хотел в эту минуту поверить в то же самое Артем. Его размышления прервал приехавший полковник Грачев, командующий базы ВВС:

– Молоды ребята, профессионалы!

– А, Олег Григорьевич, здравствуйте! А мы тут с женой как раз о вас разговаривали...

– Обо мне?

– Да, Артем сказал, что работа дипломата в военное время не менее важна, чем работа военного, – улыбаясь, говорила Инна.

– Он прав, – развел руками Грачев. – Если бы не они, то нам пришлось бы вести войну по трем, четырем, двадцати направлениям одновременно. При таком рассредоточении сил выиграть хотя бы одно сражение становится задачей практически недостижимой. Так что дипломатам мы вечно будем говорить «спасибо» за удерживаемый только их стараниями мир! – Грачев поднял тост за Артема, все выпили.

А между тем детская часть дня рождения подходила к концу, и Питерам, одолевшим капитана Крюка, пришла пора улетать – именно так решено было оформить окончание волшебного перформанса, увлекшего не только детей, но и взрослых. Хотя персонажи и были сказочными, а все же реализм в общении с детьми нужен куда больше, чем со взрослыми – они слишком восприимчивы ко лжи. Чтобы проводить клоунов, все присутствующие вышли на улицу.

Веселые и ловкие, аниматоры в мгновение ока набросили на свои плечи дельтапланы, нажали на какие-то кнопки на пультах в своих руках и взмыли в воздух. Дети стали радостно тянуть к ним ручонки и стремиться в небо, даже для взрослого человека всегда полное тайн и приключений и потому манящее. Нам от рождения свойственно желание оторваться от бременной земли, всюду однообразной и потому скучной по определению, и потому, когда мы смотрим на поднимающихся в небо людей – при помощи самолета или какого-нибудь другого приспособления, – то невольно чувствуем зависть и желание разделить с ними удивительное и волшебное чувство полета. Дети так страстно и искренне пожелали вдруг оказаться под самыми небесами, где, как им казалось, сейчас парят их давешние друзья, Питеры Пэны, что один из аниматоров ненадолго спустился, поднял юного приятеля на небольшую высоту – не более трех метров, – и поставил на землю. Впечатлений у того была масса, хотя и сопрягались они время от времени со страхом высоты, так же с детства присущим каждому в той или иной мере. И, пока остальные его товарищи, с восторгом обступив его, ворковали о чем-то на своем детском языке, группа молодых людей в костюмах героя Джеймса Барри поднялась так высоко, что показалась даже стоящим на земле взрослым птицами и унеслась под шум маленьких моторчиков далеко отсюда, к северному выезду из города. Все махали им руками, желая счастливого пути домой.

У северного выезда стояла российская авиационная база. Сегодня там был обычный рабочий день, если не считать того, что день этот был понедельник. Новая смена наводчиков только что прибыла из России и акклиматизировалась в суровой здешней жаре довольно трудно. Да и вчерашний бурно проведенный выходной давал о себе знать ноющей болью в висках.

Авианаводчик Игорь Спирин и его сослуживец Иван Сидоров страдали, пожалуй, больше остальных – глядя на их распухшие от поднявшегося давления глаза и вдыхая источаемый ими запах вчерашнего алкоголя, их товарищи, вчера предупреждавшие о губительных последствиях злоупотребления зельем здесь, жалели их. После обеда, когда командующий базой отправился на территорию российского посольства, чтобы поздравить посла с днем рождения сына, дежурный разрешил им ненадолго отлучиться в город.

Они толком не знали еще Дамаска – но какой русский, да еще в состоянии похмелья, не отыщет бара или магазина с алкоголем? Не таковы были армейские друзья, чтобы выделенное им время тратить впустую. Так что еще до того, как командующий взял поздравительное слово после отлета аниматоров, обещавших, как и Карлсон, вернуться, они уже прилично «накидались» и в таком состоянии вернулись в часть.

– Что ни говори, а вовремя опохмелиться – это счастье, – констатировал 30-летний старший наводчик Сидоров, самый старший по возрасту в группе, отчего прослыл заправским мудрецом.

– Точно, Иван Вячеславович, – кивнул Спирин. – А те, которые говорят, что похмелье – вторая пьянка, сами дураки. Ничего они не понимают. Какая же это пьянка, если я например все отлично вижу и прекрасно соображаю?!

– Как есть, дураки. Я вот тоже прекрасно вижу... Вижу неопознанные объекты!

Оба наводчика прицелились и сфокусировали взгляды (как могли) на радарх. Группа каких-то странных объектов на сверхнизкой высоте стремительно приближалась к месту дислокации базы. Радары не позволяли определить их размеры и толком рассмотреть, потому парни бросились к системе точного наблюдения – спутниковые камеры сразу разглядели, что перед ними группа людей, летящих на дельтапланах. Террористы! – мелькнуло в головах у обоих. Кто еще в горячей точке может таким образом приближаться к авиабазе? Скорость принятия решения сократилась до минимума...

– Прицел 245! Цели в квадратах 58—61! Как видите?

– Вижу хорошо, – донеслось из динамика.

- Расстояние?
- 200 метров.
- Цели уничтожить!
- Есть!

Зенитно-ракетный комплекс «С-75» направил дула в сторону беззаботно летящих по небу аниматоров, которые уже планировали снижаться, и потому вызвали особое беспокойство бдительного Сидорова. Цели не видели, что их уже взяли на мушку – база стояла слишком далеко, – и потому не успели приземлиться – на высоте 10 метров они были уничтожены залповым огнем ракетной установки, и только их разметанные в клочья трупы, отнесенные ветром и огневой мощью от места предполагаемого приземления, попадали мертвыми грузами в районе городской комендатуры, что по традиции размещалась у въезда в столицу. Та сразу связалась с базой – источник огня определить было несложно. Сидоров велел доставить трупы на базу, чтобы по прибытии главкома отчитаться о «подвиге».

Последний же явно не оценил служебного рвения молодых подчиненных.

– Дебилы! – кричал он, топая ногами. Вернулся он уже за полночь – ребята хотели сделать ему сюрприз, и потому не стали отрываться от приятной компании посла и его друзей. Сюрприз оказался не ко двору. – Вы кого посбивали?

– Террористы, товарищ полковник!

– Какие это нахрен террористы?! Это аниматоры из Турции с дня рождения посольского сына...

– Что?

– Посол выписал по случаю дня рождения своего сына аниматоров, ну, клоунов проще говоря, из Турции, с Кемера, детского курорта, где они отдыхали в позапрошлом году. Они нарядились в костюмы Питера Пэна и так развлекали публику. А в конце улетели!

– Зачем? – недоумевал Сидоров.

– Потому что Питер Пэн был летающим мальчиком. Ты сказки в детстве читал?

– Мало.

– Оно и видно.

– Товарищ полковник, – вступился за начальника Спирин. – А может, они и впрямь... того? Ну, только маскировались под аниматоров, а сами... Зачем же они летели в сторону базы?

– Да в какую, нахрен, сторону они летели?! Они просто покружили над городом и все! И, если они по-твоему, террористы, то почему бы им не взять в заложники посла или не перебить бы всех его гостей? Твоя база, по сравнению с ним, нафиг никому не упала! Да и потом, ФСБ. Она всех там перепроверила на 360 градусов, прежде, чем к послу на пушечный выстрел подпустить! Соображай немножко!

– Ну да, логично...

– Что?! – рявкнул полковник Грачев.

– Так точно!

– Ты лучше думай, что следователю скажешь, вояка бравый.

– Какому следователю?! – хором спросили Сидоров и Спирин.

– Обычному, из России. По закону мы обязаны доложить. База считается территорией России, война официально не идет, и потому о любом ЧП на нашей территории мы обязаны сообщить в военное следственное ведомство!

– А если умолчать?

– А если умолчать, то сотрудники комендатуры обязательно доложат, им только того и надо, чтобы к России внимание привлечь. Да еще с таким ЧП! И потом уж лучше объясняться перед российским следователем, чем перед турецким.

– А причем тут Турция?

– Потому что сбитые тобой клоуны из Турции были, дурак. Значит, и родственники их тоже в Турции живут. И именно перед ними ты будешь ответ держать, если дело передать в Международный антитеррористический комитет или в Интерпол!

– Так что же делать? – дрожа от страха, бормотал вмиг протрезвевший Спирин.

– Сейчас я тебе покажу, что делать... – глаза полковника горели ненавистью. Он достал из кобуры табельное оружие и стал палить в воздух с криками: – Беги! Бегом марш! Бегоооом!

Молоденький солдат, ничего толком не понимая, со всех ног бросился от внезапно разбушевавшегося полковника, выскочил из штаба и побежал по барханам в сторону заградительной линии. Полковник, словно помолодевший после пьянки в доме посла, бросился за ним.

Сидоров вопросительно посмотрел на сослуживца:

– Чего это он?

– А это сирийские коллеги научили.

– Чему?

– В догонялки играть.

– Он с ним... в догонялки играет?

– Так точно.

– А когда догонит, что будет?

– Хе, – хохотнул «дед». – В корень зришь. Тут-то самое интересное и будет.

Через минуту уже вся база собралась на пороге здания штаба, смеясь и улюлюкая и с нетерпением ожидая развязки затеянной полковником, в которого словно вселился бес, игры. Полковник в ней уже был достаточно опытен – в отличие от Игорька, который скоро выдохся и стал сбавлять темп. Тогда его увеличил Грачев – вскоре он догнал своего подчиненного и свалил его за дальний бархан. Несколько мгновений они кувыркались там, видимо, шутливо борясь – во всяком случае, слышно было только их сопенье. А потом звуки несколько упорядочились. Стесняясь кричать, чтобы не привлечь к себе лишнего внимания, Спирин только тяжело дышал, сдавливая губы кулаком и сжимая челюсти, а полковник хищно сопел с амплитудой, как будто, сдает кросс или бежит по беговой дорожке. Звенела портупья, солдатская амуниция, шомпола в кобурах. Звуки становились все более и более мерными.

Постепенно, вереницей, протягиваясь один за другим, подбирались зеваки-наблюдатели к дальнему бархану. Любопытная картина предстала перед ними – хотя Сидорову, сначала напившемуся втайне от командующего, а после устроившего бойню в небе, казалось, в этот день уже нечему удивляться. Спирин стоял на четвереньках, а позади него, крепко удерживая молодого солдатику за накаченные плечи, стоял на коленях полковник. Ближе подойти было нельзя, хотя желание рассмотреть все в деталях у присутствующих было куда как велико – можно было нарваться на гнев шефа, который, как уже件нятно, не стеснялся ни в действиях, ни в выражениях. Они ритмично раскачивались взад-вперед, словно играя в детскую игру «паровозики». Ритм задавал, естественно, старший по званию. Вскоре он стал убыстряться, и присутствующие зрители поняли, что пришло время ретироваться и всем занять места согласно боевому распорядку. Так что конца сего действия никто не видел, все могли только догадываться. Не видели они и как полковник, утомившись беготней, упал на всхлипывающего в песке Спирина и шептал ему на ухо:

– Ничего. Не бойся. Это только в первый раз неприятно. Завтра ты – «ма».

Между тем, такие действия полковника обеспечили нехилое прикрытие бойцам, успевшим сбегать в самоволку и проявившим недюжинную бдительность. Только на следующий день узнали они о том, что ночью, пока все спали, пользуясь разницей в часовых поясах, полковник доложил о случившемся еще и министру обороны. Попадать из-за подчиненных в неприятную ситуацию, грозившую международным конфликтом еще и с Турцией, отношения с которой с таким трудом Президенту Митину не так давно удалось восстановить, полковнику не хотелось, а потому следовало защитить честь мундира по полной программе. Кто,

кроме министра обороны, мог точнее и правильнее подсказать, как это делается? – никто, решительно. И не зря слушал его полковник всю ночь, потому что уже утром в здании военной комендатуры собралась его пресс-конференция:

– Добрый день, уважаемые коллеги. Сегодняшняя пресс-конференция собрана в таком составе (международная) не случайно. Я уполномочен сделать заявление от имени российского военного командования. Минувшим днем наша авиационная база в предместье Дамаска подверглась атаке с воздуха. Несколько манекенов, наряженных в Питер Пэнов, начиненных тротилом и снаряженных дельтапланами гражданского оборота, направлялись из пригорода Дамаска в сторону нашей военной базы с конкретной целью по ее уничтожению...

– Простите, в кого они были наряжены?

– В Питеров Пэнов. Ну вы что, сказку не читали?

– В летающих мальчиков.

– Именно так. Полагаем, что террористами сознательно произведена маскировка передвижной боевой колонны с целью рассредоточения бдительности наших наводчиков и сотрудников боевых спецподразделений.

– То есть, вы хотите сказать, что бдительность могла быть притуплена? Это как? Питеры Пэны летают по небу каждый день? Так происходит только на территории российских военных баз или повсеместно? – Журналисты начали было высмеивать слова полковника, но он был серьезен как никогда:

– Напрасно смеетесь, господа. Если бы вы знали, что внутри каждого манекена было нами найдено свыше килограмма тротила, то вы бы поняли, какую опасность они представляли не только для военной базы, военных специалистов и нашего военного имущества, но и для гражданского населения столицы Сирии. Потому и сбиты они были не на территории города, а на территории российской военной комендатуры.

– Почему, если внутри них находился тротил, они не взорвались при столкновении с зарядами ракетной установки?

– Здесь надо отдать должное нашим наводчикам. Они точно определили место выстрела – и произвели его туда, где тротила быть не могло – ниже пояса кукол.

– То есть, ракетой они не были разорваны на куски?

– Нет, ракета применялась высокоточного наведения, она не разрывает цель, а просто значительно поражает ее. Контейнеры с тротилом хранились внутри искусственных тел изолированно, как и положено на случай перемещения этого взрывоопасного вещества, и потому в целости были обнаружены недалеко от здания комендатуры, на территории, подпадающей под юрисдикцию Российской Федерации. Мы их вам позже продемонстрируем.

– Почему вы полагаете, что именно российская авиабаза была их целью?

– Потому что на пути следования, рассчитанном нашими авианаводчиками, других значимых объектов не было. За нами была пустыня, а там что взрывать? И все же я хотел бы обратить ваше внимание на то, что нам нельзя недооценивать врага. Сейчас, когда все российские и многие западные СМИ всю твердят о том, что война практически окончена, невольно притупивший нашу бдительность террорист принимает на вооружение новую технику и новые, куда более масштабные и страшные, чем даже атомная бомба, способы массового убийства населения. Мы не можем успокаиваться, потому что не существует никакого превентивного способа пресечь движение ужасающих Питеров Пэнов по всему миру и потому предотвратить их угрозу не России даже, а всему цивилизованному человечеству. И потому наша миролюбивая армия никогда не уйдет из Сирии и будет продолжать выжигать каленым железом все, связанное с международным терроризмом, в том числе и едва – только ввиду нашей постоянной боевой готовности – не ставший орудием гибели людей персонаж вражеской, империалистической сказки. Ужасный Питер Пэн...

Возвратившись в расположение базы, полковник собрал весь командный состав и стал зачитывать директивы, выработанные накануне ночью совместно с министром:

– Значит, так. Председателю военного следственного управления доложили ровно то, что я сказал. Ваша задача – восстановить эти долбанные, мать их, наряды, отыскать манекены и запихать в них тротил! Следователь по делу уже назначен, приедет нескоро – у него другое дело сейчас в производстве. Думаю, неделя у нас в запасе есть. Не справитесь за это время – хана и мне, и вам, и много еще кому в верхах, так что вам, товарищи офицеры, при таком раскладе предпочтительнее будет застрелиться. Запомните – все должно быть натурально, и весь мир должен бояться Питеров Пэнов, которые вот-вот сделают с Эйфелевой башней то же самое, что другой авиационный прибор 20 лет назад сделал с башнями-близнецами. Вопросы?

– Разрешите, товарищ полковник?

– Давай.

– А какое дело у следователя в производстве?

Глава вторая. Запрещенные евангелия

Вопрос не был случайным – в это самое время следователь Владимиров сидел в кабинете начальника летного училища, чьи курсанты день назад подняли на уши всю страну.

– Вы по вопросу танцев? – робко осведомился полковник Гришко. Владимиров улыбнулся в ответ:

– Нет, к сожалению. За это в нашей стране пока не сажают, хотя можно бы. А вот за другое вполне себе можно присесть...

– О чем это вы? – голос Гришко, орденоносца, храброго и неудержимого в боевых действиях, задрожал при встрече со служителем порядка, носящей для него экстраординарный характер.

– О ком. Об Осипове.

– Ааа...

Два месяца назад в Питерском метро грянул взрыв, унесший жизни нескольких сотен человек. Специфика работы контрразведки, сразу взявшей дело под свой контроль, всегда состояла в том, чтобы проверить воинские части и военно-учебные заведения, в которых так широко обращается оружие, на предмет причастности к случившемуся. Естественно, нагрянули они с обысками и в ту самую казарму, что на днях едва не превратилась в мужской бордель. У одного из курсантов по фамилии Осипов среди личных вещей была найдена «Майн кампф»¹⁸ Гитлера и нарисованный от руки на развороте тетрадного листа план казармы. Конечно, к теракту эти находки никакого отношения не имели, но их вполне хватило, чтобы сшить Осипову дело экстремистской направленности и заключить его до суда под стражу. Владимиров не верил в его виновность, считал обвинение абсурдным, но, как говорят в следственной среде, «согласно статье 38 УПК РФ следователь – фигура процессуально независимая, от него ничего процессуально не зависит». Начальство приказало, а военному следователю ничего не оставалось делать, как взять под козырек. Казалось, и приговор военного суда для несчастного мальчугана уже заготовлен, и именно поэтому сейчас Владимиров сидел в кабинете начальника училища, занимаясь тем, чем обычно занимается адвокат обвиняемого – собирая доказательства в его пользу.

– Вы были хорошо знакомы с Осиповым? – первым собеседником Владимирова стал курсант по фамилии Хрулев, инициатор давешнего перформанса в стиле «ню».

– Поступали вместе, учились на одном курсе, но в особенной дружбе не состояли.

– Как вы считаете, мог ли он состоять в какой-либо террористической группе?

– С учетом того, что у нас практически нет свободного времени, а в увал отпускают только по выходным, да и то – на полдня, думаю, нет. Хотя, его ведь арестовали, а дыма без огня не бывает...

– Арест еще ни о чем не говорит.

– И все-таки...

– Хорошо, не будем спорить. Откуда у него взялась «Майн кампф»? В России она запрещена... Как вы считаете, где он мог ее приобрести?

– А вы думаете, это так сложно? В нашей казарме почти каждый ее читал, и что?

– Но зачем?

– Думаю, просто так. Знак протеста, как и наш недавний танец. Молодым свойственно бунтовать даже тогда, когда она не понимает цели своих действий.

– А план казармы ему зачем был нужен, как вы полагаете?

¹⁸ Запрещенная в РФ книга, содержащая признаки экстремистской литературы.

– Он часто дежурил по казарме, в наряды попадал. Ну бывает такое, хромала у парня дисциплина. Сами понимаете – здесь многие из неблагополучных семей, и перестроиться махом на такой жесткий распорядок, как здесь, в армии, многим бывает трудно. Как результат внеочередные наряды. Для новичка здешние коридоры как лабиринты Минотавра, вот и нарисовал для своего удобства, не более того. Думаю, что нарисовал еще учась на первом курсе и потом просто забыл выбросить...

– Он был строптивым курсантом? Часто ругался с начальством?

– Да никогда, есть и строптивее. Да и не поругаешься у нас особо – губа же есть.

– Скажите, а как у него обстояло дело с личной жизнью? Девушка у него была?

– Не знаю, – пожал плечами Хрулев. – Вам об этом лучше спросить у тех, с кем он жил.

– Жил??? Что это значит?

– Понимаете, у каждого из нас на гражданке есть съемная квартира. Скидываемся человек по 5—6, и снимаем одну на всех. Когда кто-то в увале, переодеться в гражданское нужно или что-нибудь в таком духе, туда и идем. Там хранятся личные вещи и гражданская одежда. Осипов снимал квартиру вместе с Щербаковым и... еще кем-то, не помню.

– Вот как... В таком случае получается, что Осипов, если бы хотел сохранить наличие запрещенной литературы втайне, ему было где ее держать, помимо казармы? – глаза следователя блеснули.

Хрулев лишь равнодушно пожал плечами:

– Вы следователь, вам виднее.

– Благодарю, вы свободны.

Он оставил у Владимирова противоречивое и скорее негативное впечатление – умный, но равнодушный. Такой спасать никого не будет, тем более эфемерное Отечество в случае войны. Ему наплевать на товарища, он все еще купается в лучах той скандальной славы, что теперь идет впереди героя.

У Володи Хрулева, в отличие от многих его сверстников, в том числе тех, кто делил с ним студенческую скамью, было то, что в народе называется «царь в голове». Его повышенная юношеская эмоциональность в одно время поставила под угрозу его будущее – когда сильно пьющий отец бросил семью, его как назло увлекла уличная жизнь со всеми ее элементами, включая хулиганство, дискотеки, кражи и поджоги автомобилей. Близка была та черта, перейдя которую почти все его однокашники в мгновение ока превратились в маргиналов. В отличие от них, Володя много читал и презирал такую жизнь – но именно его интеллект позволил ему презирать и жизнь обычную, мирскую, которой он и противопоставил свой протест. Горе от ума практически привело его к берегам Рубикона, однако, в этот момент тот же ум стал великим счастьем – он приказал ему остановиться, открыв для него существование еще одной жизни, о которой он не знал, жизни военной. Строгость и требовательность к индивидам, которых Володе так не хватало в окружающем его обществе, тут цвели буйным цветом. Не то, чтобы он сам в них нуждался, но некое садистское удовольствие ему доставляло их применение к другим. Он считал всех на порядок ниже, глупее себя – возможно, небезосновательно, но вечная дилемма, сформулированная еще Достоевским – «Тварь я дрожащая или право имею?» – не давала покоя надменному Хрулеву. Иногда, в минуты бессонных ночей после тусовок он задумывался, не принадлежит ли он к какой-нибудь дворянской фамилии, отчего и живет ему среди «обычных» людей так нелегко. Но мысли эти скоро гнал от себя – они угнетали его, он предпочитал прятаться от них в увеселительных мероприятиях, коих полна была жизнь курсанта военно-учебного заведения.

Следующим вошел тот самый Щербаков, о котором предыдущий визави Владимирова и говорил. Вертлявый, дерганый, неуверенный в себе и оттого старающийся показаться лучше, чем он есть на самом деле.

– Здравсьте.

- Здравствуйте, присаживайтесь. Я хочу поговорить с вами об...
- ...об Осипове, я знаю.
- Отлично. Вы близко общались с ним, насколько нам известно, и потому можете сделать вывод относительно наличия или отсутствия у него планов касательно террористической деятельности.
- Конечно, были. Я вот, например, «Майн кампф» среди личных вещей не держу. И потом – зачем ему нужен этот план казармы? Не иначе, заминировать хотел...
- А вот ваш товарищ Хрулев, например, считает иначе.
- Да что Хрулев... сам одной ногой... – презрительно отмахнулся Щербаков. По всему было видно, что перед следователем сидит карьерист и конформист, в угоду сложившимся обстоятельствам готовый предать товарищей. Следователь поймал себя на мысли о том, что раньше времени осудил беспринципного Хрулева – не менее беспринципный Щербаков куда опаснее для общества. Хочет для всех быть хорошим, а значит, хорошим не является ни для кого.
- Где?
- А вы, к примеру, знаете, – понизив голос, вещал Щербаков, – что до поступления сюда этот ваш прекрасный Хрулев был членом банды автоугонщиков?!
- Вот даже как?! И откуда же вам это известно?
- Он сам мне говорил.
- Прекрасно... И тем не менее, меня больше интересует Осипов. Замечали ли вы за ним какие-нибудь проявления интереса к террористической деятельности?
- Я лично нет, но...
- И все равно, думаете, что он мог совершить террористический акт?
- Конечно.
- Скажите, вы работаете с оружием, в том числе транспортабельным, с самолетами, перевозящими его?
- Ну разумеется, это входит в учебную программу.
- Пытался ли когда-нибудь Осипов получить индивидуальный доступ к этим... кхм... приспособлениям?
- Нет. Да что там говорить, учился он так себе – наряды без конца получал, а отличникам, как мне, например, их не выписывают вне очереди-то.
- Значит, фактически был лишен индивидуального доступа к боевой технике?
- Можно сказать и так.
- И в чем же тогда проявлялся его интерес и возможность к совершению преступления государственного масштаба?
- Я не следователь, но могу вам сказать, что из таких вот посредственностей, как Осипов, вырастают матерые преступники. Взять того же Гитлера – в школе троечник, потом затюканный ефрейтор, потом посредственный художник, который никому не был интересен и сам ничем не интересовался, а в итоге что?
- А чем вы можете объяснить такую трансформацию личности Гитлера... и ему подобных?
- Ну надо же где-то этим серостям себя проявлять, в чем-то компенсировать свою несостоятельность. Вот они и делают это с использованием преступных механизмов!
- То есть, таким, как вы, это не нужно? Вы считаете себя состоявшимся человеком во всех направлениях? – следователь уже откровенно издевался над зазнавшимся Щербаковым, а тот, словно не видя этого, парил в небесах.
- Ну не во всех... Но и в учебе не отстаю, и в развлечениях тоже...
- Вот как?
- Смотрели этот наш ролик на Ютубе?

– Да, имел такое удовольствие видеть.

– Так вот у меня там целый сольный номер. Танец в туалете, этот момент я один считай исполнял, – браво похвалялся Щербаков.

– Хвалю. Спасибо. Честь имею.

Если Хрулев был наполнен содержанием недюжинного интеллекта и презрительно-снобистского отношения к окружающему миру, то про Щербакова сказать этого было нельзя. Да, он был отличником, но не потому, что добровольно избрал уход от несовершенного мира гражданки в пользу мира военного, а лишь потому, что осознавал – дальше ему падать некуда. Родители сперва со слезами, а потом с ремнем долго и упорно доказывали Антону, что, если его отношения с училищем расстроятся, ему придется пойти в армию на общих основаниях, а это не только не престижно, но и приведет к моральному разложению. Его родной брат, отслуживший в армии и вернувшийся таким же рядовым, спился в Оренбурге, имел судимость, и вообще незавидную биографию. Повторить ее Антону очень не хотелось, и именно учеба в летном училище давала ему единственную возможность избежать сей незавидной участи. Ради этой мнимой привилегии, которую Хрулев, к примеру, вовсе таковой не считал, готов он был на любую мерзость, на любое предательство. Если начальство – или, как в данном случае, следовательно, – требовало кого-то безапелляционно обвинить, он беззастенчиво делал это. Если требовалось предать или обмануть – в интересах не общего дела, а его личных, шкурных, – то и за этим дело не становилось. Одним словом, Щербаков был всем удобен, и именно потому ему никто особо не доверял. Не стал доверять его показаниям и следовательно Владимиров, скомкав протокол допроса и выбросив его в корзину после исчезновения Антона.

Следующим был дагестанец Заур Магомедов, сослуживец Осипова и Хрулева. Войдя в кабинет, он начал буквально с места в карьер.

– Вы, конечно, тоже понимаете, о чем, а точнее, о ком пойдет речь?

– Об Осипове, конечно.

– Конечно.

– Можно я вам сразу скажу? Мне кажется, вы с этим делом занимаетесь какой-то ерундой. Неужели правда можно поверить в то, что человек, хранивший в вещах запрещенную и к стати почти бессодержательную книжонку...

– А вы откуда знаете? Читали?

– А кто ее здесь не читал? Или вы правда считаете, что в казарме можно вести какую-то тайную, изолированную от посторонних глаз, жизнь? Тогда мне вас жаль... Так вот. Поверить в то, что само по себе нахождение у солдата этой книги есть признак готовящегося преступления, может только сумасшедший, а вы вроде на него не похожи. Ну хранил он запрещенную литературу – накажите его дисциплинарно, в крайнем случае административно. Но сажать-то зачем? Вот вы сейчас ходите и собираете сведения о его личности, а надо совсем не этим заниматься.

– А чем же прикажете мне заняться, товарищ генерал юстиции?

– Хотя бы поиском того, кто мог в режимное учреждение такую вещь пронести и выяснением его служебного положения. Или не хотите сознательно этого делать? Опасаетесь, что далеко зайдете в своем расследовании? В принципе, все логично. Проще обвинить во всех смертных грехах никому не нужного курсантика – и нашему большому начальству, и вам самому по нехилой палочке срубить на погоны. Но ведь это неправильно, и вы сами это понимаете. А теперь подумайте о том, как вы все будете выглядеть, если это дело дойдет до Верховного Суда? Неужели и там такие же остолопы сидят, как наше местное руководство? Не хочется в это верить. Не боитесь, что придется отвечать?

– Уймитесь. Вам не кажется, что вы слишком разошлись в присутствии следователя?

– Это только потому, что, в отличие от тех, кого вы слушали до меня, меня вам нечем припугнуть – я хоть и приехал из Дагестана, а моя биография почище, чему многих коренных жителей. Так что...

– Вернемся к теме беседы. Осипов. Что вы можете о нем сказать?

– Обычный человек, – пожал плечами Заур. – Со своими недостатками, со своими достоинствами. Но одно скажу – на то, что вы ему инкриминировали, он был бы не способен. Хотя бы потому, что он был достаточно малообщительным парнем, а для таких преступлений нужны достаточно многочисленные и квалифицированные сообщники. Как с их поиском дело обстоит?

– Для этого я и здесь.

– Тогда зря тратите время.

– Почему же? Вам, например, ничего не известно о криминальном прошлом Хрулева?

– Даже если бы знал, не сказал.

– Почему?

– Потому что предавать товарищей не имею морального права. Это раз. А второе – мне еще в этом коллективе жить, так что увольте. Посадите одного, а дурная слава останется. А что я от вас получу? Собачью медальку или грамоту, которую смогу на стену в туалете вместо обоев приклеить? Спасибо, без надобности. На строительный магазин как-нибудь найду денег...

...Выйдя из кабинета, Володя Хрулев бегом направился в кабинет заместителя начальника училища подполковника Василенко. Озираясь, следя, чтобы никто из сокурсников за ним не пошел, вошел он в начальственную дверь. Увидев его, хозяин кабинета вскочил с места и запер дверь изнутри.

– Принес? – спросил он.

– Да, – Володя вытащил из-за пазухи книгу и бросил на стол перед подполковником. На обложке было написано: «Майн кампф (Моя борьба)».

– Он ничего не заметил?

– Нет, он все больше записывал, так что у меня была возможность дотянуться. Она лежала прямо на столе, перед ним, но под ворохом бумаг.

– Думаешь, не заметит?

– Думаю, заметит, но поздно. Там уже полкурса перебивало, так что пока дознаваться будет, что к чему, можно будет ее и обратно на стол положить.

– Отлично.

Подполковник взял книгу, бережно открыл ее и уставился на первую страницу – там, где вензельными готическими буквами было набрано название, на самом титульном листе, стоял еще и экслибрис. Никакой фамилии на нем не значилось, но имел он такую причудливую и резную печать, что, казалось, по ней одной можно было определить собственника, если, конечно, обратиться к услугам знающих людей. Под печатью стоял год – 1832, так что среди книголюбов и библиофилов наверняка нашелся бы тот, кто помог бы следователю, при достаточной степени усидчивости и любознательности с его стороны, установить принадлежность сего манускрипта. Однако, тот был занят совсем не тем, чем следовало бы заниматься полицейской ищейке, что и позволило подполковнику замести следы. Аккуратно, взяв студенческую линейку, он несколько раз провел лезвием канцелярского ножа вдоль всей длины титульного листа, а после бережно отделил его от остальных. Бросив вырванную страницу в пепельницу, он вернул книгу Хрулеву.

– Вернешь обратно. Только когда уйдет, чтобы не видел никто.

– Есть. Разрешите идти?

– А ты молодец, – окидывая курсанта загадочным взглядом, говорил Василенко, у которого, кажется, камень с души упал после содеянного. – Исполнил поручение как надо! Это дорогого стоит.

– Спасибо, – опустив глаза в пол, говорил Хрулев.

– Надо, пожалуй, тебя наградить. Будет у меня к тебе одно приглашение интересное. Ты заходи завтра, в спокойной обстановке поговорим... Иди...

Следователь действительно заметил пропажу вещдока – но, как и предрекал Хрулев, поздно. Выйдя из штабного корпуса и следуя по морозному воздуху к проходной училища, Владимиров закурил и погрузился в свои мысли.

«Пожалуй, этот Магомедов прав. Действительно, никакого серьезного преступления Осипов совершить не мог, а за то, что натворил с этой книжкой, мы его уже и так достаточно наказали... Надо будет ходатайствовать перед руководством о прекращении уголовного дела... Но как им лучше все объяснить? Не скажешь же, что какие-то курсантики переубедили выдавшего виды следователя. Надо что-то серьезное, рапорт какой-нибудь основательный составить, листов на 20. И в основу положить эту книжку, что, мол, изъяли, пресекли, перевоспитали... Кстати, а где она?»

Следователь открыл портфель и едва не обмер от осознания того, что прихваченный с собой и предъявленный допрашиваемым для опознания вещдок исчез. Он неистово стал вспоминать, куда мог положить столь компрометирующую вещь... Под ворохом бумаг... Наверняка, там и осталась.

Метнулся назад – по счастью, все было на месте. С относительно легкой душой следователь Владимиров возвращался на работу в военное следственное управление...

Чего нельзя было сказать о министре обороны. Второй день подряд словно камни сыпались на голову Сергея Абдурахмановича Пержу. Сначала эти сумасшедшие курсанты, которые устроили голые танцы и в преддверии президентских выборов привлекли нежелательное внимание к себе, к армии, к министерству, и руководству страны в целом. Потом – известие из Сирии, где какие-то дураки, кстати сказать, в недавнем прошлом выпускники того же самого училища, устроили кровавую баню, которая могла бы, если бы не находчивость Сергея Абдурахмановича, ударить по международному престижу России в канун все тех же выборов куда сильнее танцев в стиле «ню». Однако, если эти проблемы решались министром сравнительно легко, так сказать, в рабочем порядке, то была у него и еще одна головная боль, разрешить которую ему не удавалось уже несколько лет и которая лежала в основе всей той авантюры, которую он вынужден был реализовывать в Сирии. По сути, это и была главная задача Сергея Абдурахмановича на посту министра обороны. Его поиски решения проблемы были кропотливыми и длительными, и кое-каких результатов он все же добился.

Сейчас в его приемной дожидался старший научный сотрудник Института военной истории, полковник Ковалев. Встреча с ним была единственным поводом, заставившим министра выйти на работу после бессонной ночи, проведенной в консультациях с полковником Грачевым.

– Пусть войдет, – скомандовал министр в селектор, после чего на пороге практически сразу появился Ковалев.

– Здравия желаю, товарищ генерал армии!

– Здравствуйте. Как успехи?

– Пока только теоретические. Но мы в начале пути. Думаю, отличное знание того, что мы ищем, лежит в основе успешного поиска. Это только в мультике про Колобков они искали то, не знаю что. А мы ищем уже вполне определенную вещь. Согласитесь, когда имеете хотя бы общее представление о предмете, поиск несколько упрощается.

– Согласен. Что же нашли теоретически?

– А теоретически вот что, – Ковалев раскрыл принесенную с собой папку и начал зачитывать. – Евангелие от Евы – недошедшее до нас апокрифическое Евангелие, лежащее в русле гностической традиции. Известно только по нескольким цитатам Епифания Кипрского (Пана-

рион, 26)¹⁹, отца церкви, который критиковал борборитов, оправдывавших свободную любовь, суть которой заключалась в прерывании полового акта и поедание семени. В то время как некоторые гностики-вольнодумцы полагали, что плоть и зло неразрывны, тем самым признавая свободу половых отношений, большинство гностиков придерживались противоположной точки зрения, заключающейся в крайней аскезе.²⁰

Согласно наассинианам «семя, распространяемое в космос от первоначального человека, делает космос совершенным».²¹ Рассеивание логоса и его последующий сбор напоминает мифы об Осирисе и Дионисе. Аналогичная тема осирификации присутствует в Евангелии от Филиппа, цитируемого Епифанием: «Я осознал себя и собрал воедино со всех сторон; Я посеял не детей для правителя, но я разорвал его корни и собрал вместе [мои] конечности, что были разбросаны повсюду; Я знаю, кто ты, ибо я из вышеупомянутых миров».²²

– А если перевести на русский?

– Наассиниане, исповедовавшие Евангелие, считали, что прерывание полового акта и поедание семени есть способ сохранения вечной жизни, хотя сейчас это звучит абсурдно. Абсурдно было и по тем временам – ведь понятно, что лишение человека способности размножаться постепенно приведет к гибели человечества.

– Так зачем же они тогда проповедовали ложь?

– Важно было наделить этот абсурд некими теологическими чертами, авторством Бога, магией, чтобы в него поверили люди. Ничего лучше, как приписать авторство первой женщине на земле – Еве – придумать они не могли.

– Но зачем? Зачем, глобально?

– Надо полагать, для установления матриархата. Во-первых, получаемое мужчиной наслаждение от орального секса давало женщине неограниченную власть над ним. А во-вторых, как только женщина перестает рассматриваться как сугубо инструмент продолжения рода человеческого, сразу встает вопрос – зачем она тогда нужна?

– И зачем?

– А зачем ее создал Господь? Не иначе, в качестве воплощения божественной сущности. Для чего нужен мужчина, понятно и без любого евангелия – на нем функции размножения, защиты, охоты, в общем, как бы сейчас сказали, жизнеобеспечения рода человеческого. А женщина?

– Не понимаю.

– Для всего остального, в том числе для мирового господства. Только женщина умеет доставить мужчине ни с чем не сравнимое удовольствие, но она не есть средство продолжения рода. Род продолжается путем хаотичного выбрасывания семени – ложь, но примем ее за истину, отталкиваясь от гностической теории. Значит, женщина и есть венец творения природы и Бога. Значит, и вся власть принадлежит ей, в то время, как мужчина служит лишь для удовлетворения ее вышеперечисленных потребностей.

– Мудро...

– Есть, полагаю, и еще один смысл, пусть не вытекающий прямо из тех текстов, которые я вам привел, но содержащийся во многих других трудах, в том числе современных в области биологии.

¹⁹ The Panarion of Epiphanius of Salamis / Translated by Frank Williams. – Leiden Boston: BRILL, 2009. – T. Book I (Sects 1—46). – (Nag Hammadi and Manichaean Studies). – ISBN 978-90-04-17017-9.

²⁰ Лопухин, А. П. Ева // Христианство: в 2 т. / гл. ред. С. С. Аверинцев. – М.: Большая российская энциклопедия, 1993. – Т. 1. А—К. – С. 511. – ISBN 5-85270-050-9.

²¹ Ипполит Римский, Философумена 5; из Mead, G.R.S. The Myth of Man in the Mysteries // Thrice Great Hermes: Studies in Hellenistic Theosophy and Gnosis. – London; Benares: The Theosophical Publishing Society, 1906. – Vol. I. – P. 74.

²² Mead, G.R.S. Some Forgotten Sayings // Fragments of a Faith Forgotten. – London: The Theosophical Publishing Society, 1900. – P. 600.

- Какой?
- Особая сила. В мужском семени содержится сила, и потому сокращение его выбросов, а равно употребление в пищу позволяет его носителю ощущать ее и использовать.
- Это вы так считаете или..?
- Нет, в это верили самураи, тамплиеры, войны Спарты и Рима... Многие, в общем.
- Вот это действительно мудро. Будьте добры, подготовьте мне к нашей следующей встрече подробную историческую выкладку на эту тему...
- Есть, товарищ министр!

Глава третья. Отцы и дети

Звонок раздался как обычно около пяти часов вечера. Меньше, чем за час мимо дежурного на проходной училища сплошным потоком горной реки пронеслось свыше сотни курсантов, отпущенных до завтрашнего вечера в увольнительную, или, выражаясь жаргонным языком служак, «увал». Строго выполняя правила внутреннего распорядка, отправляясь в суточный отпуск, ребята субботним вечером покидали территорию кампуса, оставляя все навязанные службой-учебой проблемы и заботы в стенах учебного заведения и неизменно улыбаясь – в их возрасте, как говорил герой фильма, ночи чреваты сюрпризами. Одноцветной была вода той реки, что выносила их за пределы альма матер – выходили они, все как один облаченные в синюю униформу, чтобы в ней рассредоточиться по городу, где у каждого была квартира: у местных собственная, у приезжих – арендованная. Там, по уставу, хранилась гражданская одежда, в которую юные модники спешили переоблечься после надоевшей форменки. А уж после, когда узнать вчерашних вояк было практически невозможно, направлялись они покорять столичные клубы и заведения, которые буквально изнывали в ожидании своих гостей, что каждые выходные неизменно производили фурор.

У Володи Хрулева было любимое заведение – клуб со странным восточным названием «Бача». Он приходил сюда каждый субботний вечер, считая, что верность традициям есть хорошее качество для мужчины, да и просто жалея времени на поиск чего-то нового. Те жалкие сутки, что давались курсанту Хрулеву, только на бумаге выглядели как целых 24 часа, а в действительности пролетали словно пуля на учениях. Здесь его устраивало все – уровень обслуживания, комфорт, цены и конечно контингент, который и был всегдашней целью визита. Пара бокалов виски с колой, кальян – и глаз Володи уже блестит нежной поволокой, привлекая к себе юных и не очень представительниц прекрасного пола.

С первыми Володе нравится до поры – особенно, если выясняется, что фемина девственна, дабы открыть для нее дверь в мир наслаждений. Но юные все приставучие, так что с ней приходится расставаться едва ли не в первый же вечер. Иное дело дамы в возрасте – все умеют, ничего особо не просят и, главное, никогда ни в чем не отказывают. Что до любви, то сердце Володи давным-давно было похищено и разбито одноклассницей, о которой молодой человек до сих пор временами плачет по ночам в подушку, и потому открывать его для кого-то другого он не спешил, в упор не видя достойных и считая всех лишь инструментами для своего удовольствия или своей выгоды. Юношеский же организм требовал своего – и потому каждые выходные проходили у Володи под знаком бурного секса без обязательств.

Иногда он начинался прямо в туалете клуба (если было невтерпех), иногда они отправлялись к его спутнице, а иногда, когда в его квартиру более ушлый товарищ не успевал приводить свою подругу, то к нему. Утром он предпочитал оставаться один – и чаще всего желания его и его спутниц совпадали. Одевшись, он отправлялся погулять, подышать свежим столичным воздухом, отобедать, разогнать похмелье. Если оставалось время и удавалось быстренько «перепихнуться» с какой-нибудь из вечерних подруг, то не упускал такой возможности. Иногда компанию ему составляли его товарищи – по обоюдному согласию, они могли присоединиться к нему и с вечера, и тогда он на паре бокалов виски, понятно, не останавливался. Тогда дело могло закончиться и групповым сексом, и чем-то более веселым, чем алкоголь и больше похожим на зимние осадки в виде снега – и цветом, и формой, и скоростью, с которой они тают в большой компании. Впрочем, так было не всегда.

Сегодняшний вечер Володя и его друзья проводили в разных местах – несколько его приятелей, включая Щербакова и Заура, отправились покорять какой-то мегадорогой ресторан, в то время, как он снова почтил присутствием «Бачу». Как-то раз, заинтересовавшись происхождением слова, он решил навести справки – и выяснил, что в древности на Востоке им

называли юношей для секса, служивших состоятельным мужчинам и женщинам. Последнее не очень расходилось с его жизненным кредо, и потому в этих злочных интерьерах он иногда отождествлял себя с самим заведением.

Сегодня было почти так же – несколько бокалов, спутница лет 30, жадная до секса и молодых парней, быстрый секс в туалете, долгие разговоры о ночных полетах, обещание как-нибудь взять с собой, сидение у нее дома на подоконнике неглиже с сигаретой, наполненной вместо табака зеленой полусинтетической смесью с жутким запахом и немного веселящим эффектом. Правда, уж очень резва кобылка оказалась в постели – поспать курсанту ночью практически не пришлось.

Вернувшись утром домой, он рассчитывал немного отдохнуть, но вышло слабо – товарищи по съему жилья сновали туда-сюда и во весь голос делились впечатлениями от вчерашних возлияний, мешая Володе окунуться в объятия Морфея. Так что голову от подушки он оторвал спустя два часа бессмысленных попыток уснуть. Она предательски болела и не располагала к прогулке в приподнятом настроении, как обычно в воскресенье. Выбора не было надо было лечить подобное подобным, а найти товарищей, как назло, оказалось делом непростым. Да и постельная партнерша не брала трубку, видимо, отдыхая после бурного отдыха с юным курсантом.

Вова сел на кровати, обняв голову руками. Сырцов упал рядом, сильно колыхнув спальное место и причинив Хрулеву дискомфорт.

– Хорош так трясти, башка раскалывается.

– Хреново, да?

– А ты как думаешь? После травы и вискаря всю ночь...

– Ну не только травы и вискаря...

– Ну да, ты проницателен как всегда. Яйца гудят как турбины у самолета, и трубку как назло никто не берет... А ты чего такой веселый? Сам-то под утро пришел, я слышал...

– А мы бухать идем.

– Кто-мы? Я, Щерба, еще пара человек.

– А ничего, что вечером обратно в училище?

– Фи, нам пофигу, Василенко с нами.

– Кто? Ты что несешь? – поверить в то, что строгий подполковник Василенко идет со студентами предаваться потреблению спиртных напитков в воскресенье, когда уже вечером все как штык должны быть на службе, да и военный патруль может заглянуть с внезапной проверкой, выдавший виды Хрулев не мог.

– Алексей Михалыч.

– Да ладно? С какой радости?

– Не знаю, он нас еще вчера вечером пригласил. А тебе ничего не говорил?

– Я его вчера весь день не видел.

– Наверное, поэтому и не позвал. Вообще-то он к тебе неплохо относится, насколько я помню, так что непременно пригласил бы с нами...

– А куда вы идете-то?

– В баню какую-то в Ясенево, я сам толком не знаю. Только ведь еще кое-кто с нами идет... – заговорщицки подмигнул товарищу Сырцов.

– Кто?

– Есть у него две подруги весьма легкого поведения...

– У кого? У Василенко?

– Так точно. Вот он их с собой зовет.

– Это еще зачем?

– А то ты не понимаешь? Не у тебя одного член как столб телеграфный с утра после пьянки стоит. Вот и вошел товарищ заместитель начальника в наше положение, повел себя очень демократично и современно. Все бы так себя вели!

– погоди, погоди... – голова Хрулева отказывалась воспринимать все, что говорил его приятель.

– Да нет, это ты погоди. Я сейчас его наберу и уточню, можно ли тебе вместе с нами...

Он исчез из комнаты, не дав Володе ни озвучить до конца свои сомнения, ни собраться с мыслями. Через тонкую межкомнатную дверь слышно было, как он с кем-то разговаривает по телефону. Минуту спустя он вернулся, улыбаясь во все тридцать два:

– Разрешил. Собирайся.

Володя пулей метнулся в душ, впрыгнул в модные новые плавки, оделся полегче, и минут пятнадцать спустя они ехали в трясущемся и холодном вагоне метро в прогретую сухую сауну, которая сегодня должна будет привести их в рабочее состояние.

Когда Сырцов и Вова появились на пороге арендованной сауны – весьма средней руки, но в общем подходящей для умирения плотских страстей юных курсантских организмов, – Василенко, Щербаков и его друг Егор Карякин уже были там. Они сидели, обернувшись простынями, в предбаннике, и заправлялись крепким пивом под доносившийся из музыкального центра шансон.

– О, пацаны, здорово! Раздевайтесь, не стесняйтесь, – прокричал с порога непривычно приветливый Василенко. – Мы уж сходили, попарились разок... Там и бассейн неплохой имеется.

– Что, как пар? – спросил Володя, скидывая спортивные брюки и оставаясь в одних плавках от Кардена.

– Да нормально, – махнул Василенко. – Вам сейчас в вашем состоянии любой на пользу пойдет. Оживит только так, почище любого алкоголя. Хотя и о нем забывать в нашей с вами ситуации не надо. Ну, за сбычу мечт! – подпол поднял кружку холодного пенного напитка и опрокинул ее на глазах у присутствующих. Ребята стали гикать, улюлюкать, одобрительно похлопывая вмиг ставшего своим заместителя начальника по плечу. Жар бани и высокий градус пива, принимаемого на голодный желудок, быстро сделали свое дело – барьер между начальством и подчиненными пал, все стали общаться непосредственно и даже панибратски, не обращая внимания на чины, звания и разницу в возрасте.

– Это сюда вы меня хотели пригласить? – подмигнув подполу, спросил Хрулев, имея в виду недавно состоявшийся между ними разговор.

– И не только, – он все так же хитро улыбался.

– А еще куда?

– Какой шустрый. Узнаешь со временем. Ну что, ребята, – обратившись ко всем, спросил Василенко. – Хапнем парку?

Все дружно отправились в парилку, где на верхних полках расположились две приглашенные заводилой жрицы любви. Воздух был не очень жарким – понимая, что такое похмелье, подполковник не стал испытывать ребят на прочность, тем более, что соответствующие тестеры сидели сейчас перед ними. Здесь было темно, тусклый свет едва освещал парную, да и действие алкоголя усилилось при температуре в +70 по Цельсию, так что Володе две эти дамочки показались издали весьма презентабельными.

– Ой как вас много, мальчики! – разнузданным голосом, хохоча, пробормотала одна. Вторая отвечала ей только развратным смехом. – Даже не знаем, справимся ли?!

– Ничего, Лариска, – хохотнул Василенко, – ты у нас девушка опытная, со многими совладаешь!

– Это факт, – почесывая в паху, отозвался Щербаков, уже успевший отведать женской ласки в это, казавшееся поначалу хмурым, утро.

– Ну что? Мы уже разок заходили, давайте теперь вы, парни, – Заур похлопал Хрулева по плечу и подтолкнул к девицам.

– А я и вне очереди, по второму кругу не откажусь, – проявил настойчивость Егор.

– Да и я, – не стал отказываться Щербаков.

– А я в бассейн пойду, жарко здесь, – вышел из парилки Заур.

Вплотную приблизившись к объектам всеобщего вожделения, надменный Хрулев почувствовал, как внизу его живота все опадает – обе были такими потрепанными и оттого казались настолько старыми, что даже его «друг Васин» не был на такое согласен. Похабные смешки и дерзкие поползновения окончательно отпугнули парня – сказавшись не вполне здоровым после пьянки, он вернулся обратно за стол. Василенко пошел с ним.

Пока Магомедов плескался в бассейне, взрывая столбы прохладной воды мощными руками борца ММА, Василенко с Хрулевым выпили и закусили.

– Чего ты? Не стоит? – по-отечески поинтересовался подполковник.

– Да нет, просто жарко там...

Из парилки стали доноситься весьма характерные звуки шлепков мокрых тел и визги девиц, вовсе на девиц не похожих.

– Это да, – усмехнулся Василенко, – там и впрямь сейчас жарковато.

Пацаны громко, никого не стесняясь, рычали от кайфа, а их партнерши в унисон им ревели как иерихонские трубы, наводя баланс температуры тел внутри и снаружи.

– Чуть попозже присоединимся. Давайте выпьем пока.

– За что?

– За вас. За ваше понимание проблем курсантов, – усмехнулся Володя.

– Так на то я и зам по воспитательной работе, чтоб проблемы понимать...

Основательно «подзаправившись» для храбрости, Василенко посмотрел Володе в глаза и произнес:

– У меня к тебе серьезный разговор.

– Про Осипова или про тот злополучный ролик? – видно было, что обе темы уже порядочно наскучили интеллектуалу Хрулеву.

– Не угадал. Скажи, как ты относишься к геям?

– Бррр, фу, – поморщился Володя.

– Отлично, – улыбнулся и потер руки Василенко. – Это именно то, чего я ожидал. Тогда скажи, известно ли тебе, что в современном обществе, в том числе в военном, в том числе в самых его верхах именно гомосексуальные связи во многом обеспечивают продвижение и поддержку?

– Догадывался, но не знал, что армия также поражена этой заразой.

– Ну почему сразу заразой? Ты считаешь сексуальные отношения с женщинами более предпочтительными? – Василенко с трудом выбирал выражения, осознавая интеллектуальный облик своего собеседника.

– А вы нет?

– Ты посмотри на этих женщин, – он кивнул в сторону парилки, из которой все еще доносились стоны совокупляющейся пары. – Вот к этим вот тебя тянет?

– Нет, они старые, а меня тянет к молодым. Если вы заметили, то я не там с ними, а здесь с вами.

– Так они не родились старыми. Были они и молодыми и вполне себе симпатичными. А сейчас сам видишь, во что превратились. Потому и твоим нынешним молодым подружкам не избежать той же участи, принимая во внимание, что и сколько они пьют и нюхают. Да и потом, кто сказал, что надо выбирать? Можно прекрасно сочетать и то, и другое. – Градус разговора начинал подниматься, Володя почувствовал себя некомфортно.

– Что вы имеете в виду?

– Использовать для снятия напряжения одних, а профессиональных успехов добиваться за счет других.

– Алексей Михайлович, вы на что намекаете? Говорите прямо, прошу вас.

– Не понял еще? Ты же сообразительный. Ты мне давно нравишься, и потому я предлагаю тебе...

– Трахаться?

– Грубовато, но можно сказать и так.

– Я вас не понимаю, вы минуту назад сказали, что критическое отношение к педерастам вам импонирует...

– Именно так. Чем более гневливо ты настроен по отношению к ним, тем более высока вероятность того, что ты латентный гей. Наука так говорит.

– ...а еще минуту назад сказали, что таким образом люди достигают карьерных высот. Вам будет приятна мысль о том, что кто-то использует вас в своих интересах?

– Не надо патетики. Живем мы один раз, и я привык получать от жизни все. Наслаждаться любым ее проявлением. Все эти вопросы нравственности и морали имеет смысл поднимать, если бы нам с тобой жить весь век да детей вместе крестить. А так – встретились два человека, каждый получил от партнера, что хотел, и пошел в свою сторону. Чего заморачиваться лишними категориями?

– Очень уж просто и прагматично вы рассуждаете, Алексей Михайлович.

– Странно. В твоей анкете в соцсети я видел твое жизненное кредо, что в жизни надо попробовать все...

– Ну, допустим. Но не будет ли так, что, отдав вам свое тело, я до конца жизни не смогу отмыть душу?

– Тую, – Василенко махнул рукой. – Бывший член банды автоугонщиков заговорил как Папа Римский. Чего ломаешься-то?

– Вам не понять, господин бывший распространитель запрещенной литературы.

– Значит, отказываешься? Ну смотри, как бы потом не пожалеть. Хотя, если передумаешь...

– Вряд ли, – улыбнулся Хрулев и демонстративно отправился в парилку, где минуту спустя многоголосье увеличилось еще на два голоса. Василенко со злобой посмотрел на стеклянную дверь парной, допил водку из стакана и ушел.

У входа он остановился. Покидать компанию сейчас вдруг показалось ему ребячеством – этот пацан еще горько пожалеет о своем отказе, плохо он еще знает подполковника Василенко. Снова раздевшись и выпив еще пол-литра крепкого, он отправился в бассейн, откуда пытался вылезти Магомедов. Резким движением столкнув курсанта обратно в воду, он проследовал за ним. Еще минут 10 они плавали друг за другом – все это время подполковник не видел своего лица, искаженного гримасой злобы, которую всерьез обеспокоенный Заур начал было принимать на свой счет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.